

**ХРАНИТЬ ВЕЧНО.
КРИМИНАЛЬНОЕ РЕТРО
ЮЛИИ ЯКОВЛЕВОЙ**

Юлия Яковлева

ВДРУГ ОХОТНИК ВЫБЕГАЕТ

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Я47

Разработка серийного оформления *В. Мяконькиной*

Рисунок на обложке *В. Мяконькиной*

Во внутреннем оформлении использованы фрагменты
картины Паулюса Поттера «Наказание охотника»
из собрания Государственного Эрмитажа

Яковлева, Юлия Юрьевна.

Я47 Вдруг охотник выбегает : [роман] / Юлия
Яковлева. — Москва : Издательство «Э», 2018. —
480 с. — (Хранить вечно. Криминальное ретро
Юлии Яковлевой).

ISBN 978-5-04-094227-5

Ленинград, 1930 год. Уже на полную силу работает машина
террора, уже заключенные инженеры спроектировали
Большой дом, куда совсем скоро переедет питерское ОГПУ-
НКВД. Уже вовсю идут чистки — в Смольном и в Публичке, на
Путиловском заводе и в Эрмитаже.

Но рядом с большим государственным злом по-прежнему
существуют маленькие преступления: советские граждане
не перестают воровать, ревновать и убивать даже в тени
строящегося Большого дома. Связать рациональное с
иррациональным, перевести липкий ужас на язык старого
доброего милицейского протокола — по силам ли такая задача
самому обычному следователю угрозыска?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094227-5

© Яковлева Ю.Ю., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Глава 1

Зайцев перевел взгляд на начало страницы. Снова почувствовал, будто по глазам провели наждачной бумагой, а взгляд при этом съехал вниз, ничего из протокола не зацепив.

Убитая: Фаина Баранова, 34 года, беспартийная. Счетовод промкооператива. Не замужем.

Очень жаль, обычно супруг становится первым подозреваемым.

А так — подозреваемых нет. Ни малейшей зацепки.

Зайцев зажег лампу под зеленым колпаком. Света особо не прибавилось. В окна смотрело нежно-голубое небо. Обычный июньский обман: белая ленинградская ночь уже давно закрыла двери магазинов, смела с мостовых телеги, трамваи и автомобили, задернула плотные шторы в комнатах ленинградцев, пытающихся наладить зыбкий сон между двумя светлыми кубами, в которые на месяц превратились день и ночь. А спящие улицы были ясны и светлы.

Зайцев разложил под лампой фотографии.

Фаина Баранова была убита в своей комнате. На черно-белых снимках розоватые обои стали светло-серыми. Убитая сидела в кресле у окна. Тяжелая портьера сдвинута в сторону. В окно видно здание Публичной библиотеки.

Зайцев перелистнул страницу, проверил адрес: проспект 25-го Октября. Угол Невского и Садовой, попросту говоря.

Буквы снова превратились в бессмысленные значки. Зайцев подавил зевок. Захлопнуть внутренний слух никак не получалось, шум со стороны проникал, мешал. На этажах ленинградского уголовного розыска кипело обычное ночное оживление. Кого-то вели, кого-то опрашивали, кто-то рыдал, кто-то яростно матерился, и во всех коридорах и кабинетах горели ненужные желтые лампы. Пахло табачным дымом.

Фаина, значит, Баранова. Зайцев взял фотографию в руки. Заставил черно-белое изображение в мозгу стать цветным. Края снимка превратились в раму дверного проема — через него Зайцев впервые увидел эту самую женщину. Вернее, ее тело.

— Что, Вася, будем вскрывать? — Мартынов сдвинул кепку с потного лба на затылок. Глаза у него были красноватые. Ночь Мартынов просидел в засаде в одном из больших доходных домов на Лиговке. Потом все утро писал рапорт. Домой уйти не успел: начался новый день. А потом бригаду вызвали на проспект 25-го Октября. «Погоди немного, отдохнешь

и ты», — фальшивым дискантом напел Крачкин, втаскивая чемоданчик со всем, что требовалось для анализа места преступления; в другой руке у него была сложенная тренога для фотоаппарата.

— Пошел ты, — угрюмо отозвался Мартынов, моргая. В коридоре коммуналки стоял кухонный чад от доброй дюжины кухонных плиток. Повернуться негде было от хлама, выставленного соседями вон из комнат. Когда-то это была просторная барская квартира. Теперь в ней жили по семье в комнате. Обычная ленинградская коммуналка. В коридоре сразу стало тесно от прибывших оперативников. Соседи высовывались из дверей. У самой спины Зайцева терся какой-то старичок-лесовичок.

— Товарищ, я вам не мешаю? — рассердился, обернувшись, Зайцев.

— Товарищи, газеть здесь не на что! — объявил им Крачкин.

Тотчас высунулись и те, кто поначалу думал пересидеть приезд милиции в своей комнате.

Зайцев посмотрел на хлипкий замок. Позади маячили понятия — местный дворник и управдом. «Со вчерашнего не отпирала», — снова вякнул старичок-лесовичок. Это он вызвал милицию. Из чада вынырнул Самойлов.

— Позвонил в кооператив. Не появлялась Баранова на работе.

Зайцев кивнул. Мартынов прислонился к стене и стоял, закрыв глаза. «Надо было его отправить

домой», — подумал Зайцев. Толку от Мартынова сегодня не было.

— Может, вышла куда? — предположил Серафимов.

— Идись, — задрезжал какой-то мужичок в толстовке. — А то мы не знаем.

— Докладывает она вам, что ли? — Зайцев быстро посмотрел ему в глаза.

«Фу, выгарашил zenки свои», — негромко сказала какая-то пожилая баба. Зайцев сделал вид, что не расслышал.

— Зачем докладывает? — обиделся мужичок. — А то нам, соседям, не знать. Мы тут дружно живем, чего. Вон люди подтвердят. И к Фаине Борисовне отношение самое уважительное, несмотря на ейное иудейское происхождение. Женщина серьезная, аккуратная.

«Собака, ой, смотри, собака», — пронеслось по коридору. Соседи зашуршали, зашептались, заахали, пропуская черную со спины овчарку. Это был потомок знаменитого в ленинградском сыске десять лет назад Туза Треф, и носил он то же родовое имя.

Вожатый пса тихо отдал команду.

Пес на секунду замер — как будто нюх стал слухом и требовал абсолютной тишины — и заскреб когтями.

— Ломай, Мартынов, — коротко распорядился Зайцев.

Вожатый взял пса за ошейник.

Мартынов вставил короткий ломик, нажал. Ломик сперва соскочил, вырвав из двери лишь длинную щепу. Мартынов словно проснулся, бросил на Зайцева смущенный взгляд. Приладил ломик половчее.

Дверь в комнату Фаины Барановой хрустнула на прощание и распахнулась. Сзади забормотали, завозились зеваки.

— Соседей попрошу назад! — рывкнул Зайцев. — Товарищи понятые. Это гражданка Баранова?

— Она, — дворник старательно вытягивал шею поверх зайцевского плеча.

— Спасибо, товарищ. Граждане соседи, пялиться здесь нечего! — громко объявил Зайцев в сторону двери. — Все будут опрошены по очереди.

— Назад, товарищи, — Серафимов ловко и твердо оттеснил любопытствующих в глубь коридора.

— Иди, Серафимов, работай по соседям, — коротко шепнул ему Зайцев. Серафимов кивнул, вышел, прикрыв за собой дверь.

Зайцев почувствовал, что они с Фаиной Барановой остались в комнате одни. И прежде чем Крачкин начнет пудрить предметы черной пылью на предмет пальчиков, а Мартынов и Самойлов задвигают ящиками, заскрипят дверцами, производя обыск, он постарался вобрать место преступления единым взглядом. Первое впечатление значит многое.

Комната была тесно заставленной, но большой, с двумя высокими окнами.

Фаина Баранова сидела в кресле у окна.

Одна рука на подлокотнике. Другая свободно лежит на животе. В правой руке белая роза. В левой — метелка из перьев. Такой сметают пыль домашние хозяйки.

— Черная роза — эмблема печали, — проговорил Мартынов. Роза в руках у Барановой была белой. Но Мартынов был прав: от фигуры убитой веяло тревогой и драмой. Позади алым полыхала шелковая портьера. На ее фоне платье казалось еще черней, белая роза — еще ослепительней. Контраст алого, черного и белого был почти театральным. Его смягчали переливчатость шелка, глубокая мягкость бархата и нежность лепестков.

Поза сидящей была настолько естественной, что Зайцеву в первое мгновение показалось, что Баранова жива. Глаза трупа были открыты.

— Сердце, похоже, — кивнул Крачкин, по возрасту самый старший в бригаде. — Отдышаться не успела — и привет.

— Ты, Крачкин, своей меркой не меряй. Женщина-то еще не старая.

Крачкин пожал костлявыми плечами.

— Не старая, но и не первой молодости. Версия возможная.

— Вызывай перевозку, Мартынов.

Мартынов пошел в коридор — звонить, чтобы забрали тело.

Зайцев заметил багровую тонкую линию на шее мертвой женщины.

— Рано вы сегодня о дембеле размечтались.

Пальцем отогнул белый воротничок — показал Крачкину: через всю шею алел острый, как будто резанный след.

— Муж, как пить дать, — сразу сказал Самойлов.

— Да, для такого и женщина, и мужчина сильны достаточно. Даже подростка или старого человека нельзя исключить, — заметил опытный Крачкин, наводя треногу. — Но муж или сожитель — скорее всего, говорит статистика. А статистика — страшная сила. Вася, — тут же переключился он, — ты объясни начальству, что мне здоровье не позволяет тяжести тягать. Нам фотограф в бригаду нужен.

О фотографе Крачкин напоминал постоянно, и по факту это было правдой: сотрудников в угрозыске не хватало. Но по существу правдой не было. Когда Зайцев только пришел в бригаду, Крачкин представился так: «Крачкин, старик, ипохондрик, мизантроп». И стиснул Зайцеву ладонь так, что пальцы захрустели.

Крачкин высоко поднял вспышку.

— Самойлов, ты ищи струну или вроде того, — сказал Зайцев. И, увидев, что Мартынов вернулся, быстро глянул на наручные часы с исцарапанным стеклом и принялся диктовать: — Тело обнаружено в шесть часов сорок восемь минут...

Самойлов, стуча, выдвигал ящики комода, туалетного столика, шкафа.

— Удушили гражданку Баранову, — машинально произнес Зайцев.

Хлопнула вспышка, на миг обдав комнату светом.

Струну, однако, так и не нашли.

«Не первой молодости». Зайцев сверился с делом. Фаине Барановой было 34 года. Потом с маленькой фотографией. Застывший взгляд, сжатые губы, типичный снимок на пропуск. Жила одна. Двоюродная сестра в Киеве, о других родственниках соседи не знали. Опять эти соседи!

Зайцев отвел снимок подальше, как будто стараясь увидеть Фаину Баранову своими собственными, не соседскими глазами.

Он, пожалуй, согласен с Крачкиным: для своего возраста Фаина Баранова выглядела если и не старо, то болезненно. Лицо одутловатое, под глазами темные мешки. Хотя кто сейчас хорошо выглядит? Скверная еда, изматывающая служба. По очередям набегаются, по дому покрутятся, а с утра самого снова ввинчивается в трамвай — и опять на службу. «Но брови-то выщипала», — отметил Зайцев.

И метелка. Такой метелкой домработницы сметают пыль. Хозяйки предпочитают обычную тряпку.

Зайцев подошел к двери и крикнул в коридор:
— Слушай, Серафимов!

Послушал. Идет. Вернулся к снимкам. В дверях появился Серафимов.

— Проверить, Сима, надо, не ходила ли к Барановой домработница. А то мало ли. Тут она домработница, а там она наводчица.

— Соседи показали, что ничего не украдено.

— Все-то они в этой квартире друг о друге знают, — недовольно проговорил Зайцев. — Такая ли она дружная, квартирка эта, тоже еще проверить надо.

Серафимов не ответил.

Зайцев надавил пальцами на закрытые глаза: желтый электрический свет впился в висок. «Красная роза — эмблема любви». А когда открыл, поверх папки лежал опрятный листок. Фигура Серафимова маячила рядом. Наверху листа было выведено четким семинарским почерком: «Заявление».

— Все, Сима, завтра все заявления, на сегодня — спать, — сказал Зайцев, поднимаясь. Стул под ним крякнул. — Что-то примяли меня эти сутки малость. Ничего уже не соображаю.

— Это мое заявление.

— Чего? — Зайцев напряг глаза: «...по собственному желанию». Снова глянул на Серафимова.

— Шутить?

В полном соответствии с фамилией во внешности Серафимова было что-то пасхальное. Голубые глаза и нежный румянец, впрочем, обманывали. В бригаду Серафимов перевелся лет пять назад, в Ленинграде тогда еще на темных улицах звучали выстрелы, бандиты куражились вовсю. Сиживал